

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Исторический факультет

Кафедра археологии

**СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ:
ХРОНОЛОГИЯ, АТРИБУЦИЯ,
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Материалы тематической научной конференции

Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г.

Санкт-Петербург
2008

раздо большее количество участников, чем тогда, в 1996 году. Но, как говорится, в одну реку нельзя (да и не нужно!), войти дважды. Конференция сделала свое дело, теперь нужны новые проблемы и аспекты изучения древних культур. Пусть эти семь небольших книжек с материалами конференций разных лет будут знаком нашей глубокой благодарности всем ее участникам, а также руководству исторического факультета университета, без доброжелательной помощи которого они не были бы опубликованы.

*Д. Савинов
В. Седых*

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

В. Н. Седых
г. Санкт-Петербург

СЛУЧАЙНОЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНОМЕРНОГО

Расширяющийся в последнее десятилетие рынок антиквариата порождает спрос на предметы древностей, что, в свою очередь, с неизбежностью диктует необходимость поддерживать уровень предложения. Подавляющая часть товаров на таких рынках именуется как «случайные находки», по существу же происходит из целенаправленных грабительских раскопок и сборов. Наиболее востребованными на рынке антиквариата являются средневековые монеты и древнерусские вислые печати, характерные для ранних городских центров Северо-Запада (Новгород, Псков, Ладога и др.). Происхождение большинства их не вызывает сомнений. Между тем именно у профессиональных нумизматов и сфрагистов с коллекционерами сложились отношения «плодотворного сотрудничества». Так, в материалах Всероссийских нумизматических конференций публикуются доклады и сообщения нумизматов-коллекционеров и собирателей (см., например, XIII ВНК 2005, XIV ВНК 2007 и др.), а в ежегодных сводках древнерусских печатей В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова фигурируют материалы из частных коллекций России и зарубежных (Янин, Гайдуков 1998, 2000–2003; Гайдуков, Янин 2004–2007). Таким образом, часть материалов становится доступной научной общественности.

В философии «случайность» трактуется как форма проявления необходимости, объективной закономерности, причинности. То есть за случайностями всегда стоит необходимость/закономерность. Просто мы не всегда можем это ощутить исходя из объема наших знаний по данному вопросу или проблеме. В то

же время повторяющаяся многократно «случайность» (случайный факт) в нашем сознании приобретает форму «закономерности» или «причинности». Как ни странно, но в археологических словарях и справочниках нет статей, посвященных понятию «случайная находка», хотя каждый археолог-профессионал пользуется этим термином и употребляет его в своих исследованиях, иногда с опорой на них выдвигая смелые гипотезы и теории.

Отдельная находка монеты определенного периода может считаться случайной, если в означенный период на территории, где сделана находка, отсутствовали собственная монетная чеканка, которая могла воспроизводить монеты-подражания, или развитые формы денежного обращения. Одновременно монета может быть единичным предметом *импорта*, необычным для данной территории, вырванным из инокультурного контекста, и тогда она тоже может быть отнесена к категории случайных. Но наличие однотипных, а еще важнее — разнотипных случайных находок из инокультурного контекста — должно поставить перед исследователем вопрос о закономерности их появления на данной территории.

Как случайные до недавнего времени рассматривались находки отдельных монет, а в последнее время и кладов римских монет на территории Северо-Запада. Однако благодаря случайным (!) находкам предметов, датируемых первыми веками н. э. в Кингисеппском районе Ленинградской обл. весной этого года (см. об этом сообщение И. В. Стасюка), были зафиксированы и подверглись археологическим раскопкам могильники римского времени. Таким образом, в совокупности с ранее известными отдельными комплексами и находками вещей римского времени (Доложское, Глумицы, Турово, Георгий и др. — см.: Булкин, Седых, Каргапольцев 2005) обнаруженный ранее нумизматический материал постепенно стал «вылетаться» в определенный историко-культурный контекст. Некоторые итоги изучения находок римской эпохи на Северо-Западе уже опубликованы (Со рокин, Шаров 2008).

С 70-х годов XIX столетия известен Тимеревский курганный могильник близ Ярославля, раскопки которого проводили в разное время известные археологи Й. Аспелин, А. И. Кельсиев, И. А. Тихомиров, В. А. Городцов, И. С. Абрамов, Я. В. Станкевич, М. В. Фехнер. В 1968 г. напротив расположенного в роще могильника при случайных обстоятельствах (во время сельско-

хозяйственных работ) школьниками был обнаружен клад арабских монет, который дошел до нас не полностью. В настоящее время в состав клада входит 1515 монет, датируется он по младшей монете 869 г. К сожалению, хранящийся в ГИМе почти сорок лет клад по-прежнему не опубликован. Особому рассмотрению подверглись лишь монеты, на которых были зафиксированы сделанные в технике граффити знаки, надписи и рисунки (Нахапетян, Фомин 1994; Мельникова 2001).

Второй известный в науке тимеревский клад был обнаружен непосредственно на площадке открытого в том же полевом сезоне поселения во время раскопок Ярославской археологической экспедиции ЛГУ под руководством И. В. Дубова в 1973 г. Совместно со специалистом по восточной нумизматике И. Г. Добровольским автор находки ввел тимеревский клад в научный оборот (Добровольский, Дубов 1975). В настоящее время клад состоит из 2762 монет; это — самый крупный клад арабских монет IX столетия в Восточной Европе. Младшая монета клада датирована 864/865 гг.

В 1987 г. в ходе работ автора по исследованию Тимеревского археологического комплекса было выяснено, что в 1967 г., то есть годом раньше первого известного в науке тимеревского клада, у небольшой дубовой рощицы на противоположном берегу речки Сечки, напротив основной площадки поселения, при сельхозработах был случайно обнаружен клад восточных монет, который, к сожалению, разошелся среди местного населения. По предварительной оценке, он состоял, как минимум, из 3100 экз. монет (Седых 2003; 2007). В 1987 г. И. Г. Добровольским было определено семнадцать монет, находящихся в руках одного из находчиков этого клада — местного жителя-коллекционера В. А. Тарусина. Младшая из известных монет датируется 867 г.

Таким образом, до открытия И. В. Дубовым поселения в зоне Тимеревского археологического комплекса было случайно обнаружено два крупных клада восточных монет IX в. Клады являются не только показателями экономических связей с другими государствами, но и отражением («слепок») местного денежного обращения. Для русского Д. о. периода раннего средневековья характерна тесная связь внутреннего обмена с внешней торговлей — источником поступления общего для Восточной и Северной Европы средства платежа и обмена (Янин 1951). Нумизматический материал, полученный в резуль-

тате раскопок памятников эпохи раннего средневековья, позволяет сделать вывод о более широком распространении монетного серебра на территории Древней Руси, чем об этом свидетельствуют материалы кладов. О находках монет и кладов либо на территории поселений, либо в непосредственной близости от них было отмечено еще В. М. Потинным (1962). Обнаружение кладов на известных памятниках (Гнездово, Рюриково городище и др.) и открытие поселений на территории Древней Руси (например, Тимерсево) и за ее пределами в местах прежнего нахождения кладов подтверждают мысль о существовании явления, которое можно назвать *случайной закономерностью*. Исходя из этого, следует ожидать открытия новых поселений, прежде всего связанных с международной торговлей эпохи раннего средневековья, в местах скопления кладов или отдельных монетных находок (например, на территории современной Москвы — см.: Седых 1998).

В. И. Беляева

г. Санкт-Петербург

ЭЛЕМЕНТЫ СЛУЧАЙНОГО И ЗАКОНОМЕРНОГО В АРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТА¹

Археология, как, вероятно, и множество других дисциплин, основывается на закономерностях. На них построен типологический метод — основа наших классификаций. В археологии палеолита закономерности являются основным постулатом всякого исследования. Мы давно можем оценить закономерности, но случайности — чрезвычайно редко. Они единичны и не поддаются систематизации, а наш исследовательский аппарат пока не достаточно чувствителен. В первую очередь это касается каменных индустрий и их типологии. Есть даже особая группа для непонятных, не организованных форм — «разное».

Иначе обстоит дело с оценкой культурного слоя, здесь закономерности присутствуют как классификационные группы очень высокого уровня: есть понятие очага, но оно самое общее; есть понятие жилища, но археологические признаки его элементарны — углубленное, наземное или с большим количеством

костей по периметру. Лучше классифицированы скопления кремня, так называемые «рабочие площадки» или, по И. Г. Шовкоплясу, «топталища». Но эти объекты классифицируются не по их собственным параметрам, а по соотношению типологических групп инвентаря, их составляющего. Французские последователи А. Леруа-Гурана предпринимают попытки определения участков поселения, где раскалывали камень женщины и дети. Степень совершенства каменного инвентаря совмещается при этом с его территориальным размещением. Такие особенные участки характеризовались, по мнению авторов, разрывом планиграфической закономерности и примитивностью изделий. Построения логически верные, но требуют невероятной для современной полевой практики документации и изощренных классификационных построений.

Оценки распределения костного материала также ограничиваются общими группировками. Скопления костей в настоящее время оцениваются по функциональной значимости материала — кости, полученные в результате охотничьей деятельности человека, и кости, подобранные с определенной целью. Последние не соответствуют особенностям костяка и присутствуют в жилых постройках, так называемых «святилищах» и хозяйственных ямах, хотя оценки ям всегда проблематичны.

При всех сложностях определения, случайная (необычная) вещь или случайность (особенность) ее положения в слое известны нам в пространстве культурного слоя и в самом факте существования. Так, к случайным находкам в настоящее время еще можно причислять всякого рода аномалии заполнения слоя, реконструируемые как святилища (Станко 1993). Предметы искусства из кости давно не оцениваются как случайность, но вполне случайным, из ряда вон выходящим, может быть их положение в слое. «Археологу отнюдь не безразлично в каких условиях... был обнаружен предмет. Если положение какого-либо предмета отличается от всех остальных, значит, отношение человека к нему было другим», — писала М. Д. Гвоздовер, изучая женские статуэтки стоянки Авдеево (Гвоздовер 1983. С. 44). На необходимость определения контекста предметов искусства в культурном слое указывает и Т. Н. Дмитриева, считая это положение одним из обязательных методологических принципов в изучении мировоззрения первобытного человека. Консервативность обряда и предметов, в нем участвующих, по ее мне-

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 07-01-91105а/у.